Минная война (фрагмент)

В Чубинский

SHOUT
SHARE
IT

- Чубинский В
  - ○

Чубинский В
Минная война (фрагмент)

В. Чубинский
МИННАЯ ВОЙНА
От автора

Всем нам памятны славные подвиги моряков в последнюю турецкую войну; памятны и имена моряков, прославивших свое имя на Дунае и на Черном море. Но доходившие до нас в то время из действующей армии и с жадностью читавшиеся известия о действиях моряков все же были только отрывочные сведения, касавшиеся одних особенно выдающихся событий; о всей же совокупности действий моряков они не дают понятия; еще менее можно составить по ним определенное понятие о размерах того участия, какое принимало в войне морское ведомство.

Время писать историю прошлой войны и участия в ней моряков, может быть, еще не наступило; но, без сомнения, было бы и своевременно и желательно теперь же подготовлять материалы для будущей истории при содействия непосредственных участников в войне.

В таком именно виде, в виде летописи или рассказа, предположили мы собрать и изложить все те факты, в которых выражалось участие моряков в военных действиях последней турецкой войны. При этом имелось в виду занести на страницы этого рассказа даже и такие факты, из которых оные, по всей вероятности, не найдут места в будущей истории флота, но которые желательно было бы сохранить в памяти моряков, да и будущему историку не бесполезно было бы иметь в виду.

За всем тем относительно некоторых предметов, особенно же относительно деятельности моряков на Дунае, в указанных источниках оказывалась некоторая неполнота и неясность. Для устранения по возможности этих недостатков настоящий рассказ сообщен был для прочтения некоторым морским офицерам, участвовавшим в войне и более других знакомым с ходом дел на театре войны, и благодаря их указаниям дополнены и исправлены...

На Черном море

В Черноморском флоте, при наступлении войны, кроме двух поповок +1, не было почти вовсе боевых судов. Такое состояние Черноморского флота вынуждало нас по необходимости ограничиться на Черном море преимущественно береговою защитою и только отчасти активною обороною в открытом море.

По распоряжению генерал-адъютанта Аркаса первым вышел из Севастополя в открытое море пароход "Великий князь Константин" (160 сил) под командою лейтенанта Макарова +2; команда его состояла из 4 офицеров (лейтенанты Давыдов, Зацаренный 2-й, Писаревский и мичман Подъяпольский) и 66 человек нижних чинов, не считая 4 минеров, 4 машинистов и 4 кочегаров для имевшихся на пароходе 4 паровых катеров. Машинная же команда оставалась та же, какая была на пароходе во время службы в Русском обществе пароходства и торговли; вооружение составляли: 2 орудия 4-фунтовые, 2-9-фунтовые, 2-3-фунтовые и одна 6-дюймовая мортира. 18 апреля пароход направился к Кавказскому берегу на поиски неприятельских военных судов. Причем ему дозволено истреблять на воде и всякие коммерческие неприятельские суда, снимая только команды и сохраняя корабельные бумаги. Но этот первый поиск остался без результатов.

28 апреля пароход "Великий князь Константин" вновь отправился из Севастополя с той же целью к Батуму. Чтобы судить о всей рискованности этого предприятия и тех опасениях, какие возбуждало оно в Севастополе, позволяем себе привести здесь выписку из корреспонденции из Севастополя, появившейся в газетах вслед за окончанием предприятия, как весьма хорошо характеризующей тогдашнее настроение севастопольского общества.

Когда в городе разнесся слух, что пароходу "В.К. Константин", по усиленному и настойчивому ходатайству лейтенанта Макарова, разрешено пуститься в море, то многие находили план, задуманный лейтенантом Макаровым и его ближайшими товарищами, совершенно безумным, невозможною химерою и предрекли пароходу неминуемую гибель. И действительно, план казался неосуществимым. От Севастополя до Батума, куда направился "В.К. Константин", двое суток хода. Прежде чем добраться до цели своего путешествия, он на каждом шагу рисковал верною гибелью. На другой день после его выхода в море в Севастополе было получено известие, что навстречу ему и по одному с ним румбу двигаются шесть турецких броненосцев. Это обстоятельство, хотя и совершенно случайное (в Батуме о выходе "В.К. Константина" в море ничего не было известно), удесятерило шансы грозившей ему опасности. Пускаясь в путь, он рассчитывал на удачный переход лишь при следующих благоприятных условиях: во-первых, он должен был во что бы то ни стало избежать встречи с неприятельскою эскадрою днем. При подобной встрече ему оставалась одна надежда рассчитывать, что благодаря густому дыму, который дает английский уголь,

употребляемый в турецком флоте, ему удастся открыть приближение неприятельской эскадры раньше, чем он сам будет замечен. Во-вторых, при встрече ночью, и это был случай самый благоприятный, он мог наверно рассчитывать остаться незамеченным. Турецкие броненосцы, двигаясь эскадрою, во избежание столкновения, принуждены нести огни, между тем как "В.К. Константин"... мог огней вовсе не зажигать.

...Турецкая эскадра, пройдя Поти, изменила румб и направилась к Сухуму, очистив таким образом путь "В.К. Константину", который утром, 30 апреля, добрался благополучно до Поти, где и продержался в виду берега до наступления сумерек. В 7 часов вечера он оставил потийский берег и двинулся по направлению к Батуму, куда прибыл в 10 часов. Здесь "В.К. Константин", держась под парами, остановился в семи милях от Батумского рейда и, решившись атаковать находившиеся на рейде турецкие суда и взорвать их минами, спустил все свои 4 миноносные катера. Сам командир сел на катер "Минер"; на катере "Чесма" был лейтенант Зацаренный; на катере "Синоп" лейтенант Писаревский; на катере "Наварин" мичман Подъяпольский. Катера встретили на рейде неприятельский брандвахтенный пароходофрегат, шедший малым ходом по направлению к тому месту, где стоял пароход "В.К. Константин", и решились атаковать его. Катер "Чесма", как самый быстрый из катеров, по приказанию лейтенанта Макарова, смело бросился в атаку и, незамеченный неприятелем, удачно подвел мину под корму пароходофрегата, но мина по неизвестной причине не взорвалась +3, а между тем на пароходе успели заметить катер, подняли тревогу и открыли по нему ружейный, с береговой батареи картечный огонь. Вследствие этого все катера, попав под выстрелы, бросились в разные стороны, и, выйдя из-под выстрелов, два из них присоединились к пароходу, а другие два, "Чесма" и "Синоп", не имея возможности присоединиться к пароходу, по сделанному заранее условию ушли в Поти, где пароход уже потом подобрал их. 3 мая пароход возвратился в Севастополь. Убитых и раненых на нем не было. Причину неудачи лейтенант Макаров объясняет тем, что люди, никогда еще не слыхавшие свиста пуль, на первый раз немного смешались и замедлили с пуском мины +4. Как ни безуспешно оказалось предприятие парохода "В.К. Константин", возвратившиеся храбрецы были встречены в Севастополе как настоящие герои. И действительно, трудно не изумиться той отважности и неустрашимости, какую проявили на этот раз наши моряки.

Первая неудачная попытка не отбила у них охоты снова перевидаться с врагом. Чтобы исправить батумскую неудачу,

пароход "В.К. Константин" 6 мая вышел из Севастополя и решился напасть на неприятельскую эскадру, которая 1 мая бомбардировала Очемчиры, а со 2 мая, в числе 6 судов, находилась против Сухума; но ни 8-го, ни 9-го числа не мог привести своего намерения в исполнение по причине тумана и раннего рассвета. Чтоб отвлечь внимание турок, он направился к мысу Керемпе, с целью сжечь несколько купеческих судов у Синопа, но и здесь сильный зюйд-вест потешал ему и заставил возвратиться в Севастополь.

Пароход "Аргонавт" (160 сил), вооруженный двумя 4-фунт. орудиями, одною 6-дюйм. мортирою и одною скорострельною пушкою Гатлинга, под командою капитан-лейтенанта Снетова и под брейд-вымпелом начальника Очаковского отряда капитана 1 ранга Дефабра, 2 мая вышел из Очакова и, обогнув Кинбургскую косу, взял курс на Тендру. Подойдя в 8 часов утра к Тендровскому маяку и сдав на маяке почту, в 9 часов утра тронулся далее в море, взяв курс на остров Феодониси, идя до 12 узлов. Обойдя остров с восточной и южной стороны, в 6 ч. 45м. вечера подошел к Сулину на расстояние 5 миль от берега и усмотрел на рейде много коммерческих судов, а правее, вне дамб, 4 однотрубные двухмачтовые турецкие броненосцы, стоявшие под парами. По приближении "Аргонавта" к Сулину, спустя не более четверти часа, по сигналу флагмана, броненосцы начали по очереди сниматься с якоря. Капитан 1 ранга Дефабр, пробежав вдоль берега мили три, повернул пароход назад и, обойдя еще раз всю линию неприятельских судов в милях четырех расстояния, взял курс на Одессу. В это время три турецких броненосца были уже на ходу, из которых один под вице-адмиральским флагом, я все направились в погоню за "Аргонавтом"; четвертый же остался на якоре. "Аргонавт" увеличил ход до 13 узлов; неприятельские суда, несмотря на все их усилия, начали заметно отставать. В 10 часов вечера "Аргонавт" уже потерял их из виду; а 3 мая на рассвете возвратился в Очаков.

Конец мая ознаменовался новым замечательным подвигом парохода "В.К. Константин" и приданных ему быстроходных миноносных катеров No 1 и 2 под командою лейтенантов Пущина и Рождественского +5 при нападении на турецкую эскадру, расположенную на Сулинском рейде.

Получив обстоятельную инструкцию от... контр-адмирала Чихачева +6, пароход "В.К. Константин" 28 мая в час пополудни снялся с Одесского рейда и направился к Сулину, имея оба миноносные катера на боковых буксирах. В 8 часов вечера лейтенант Макаров, сказав краткую воодушевляющую речь, на которую команда парохода и обоях, шедших на буксире, катеров

отвечала троекратным "ура", спустил на воду бывшие на пароходе четыре паровые катера: "Чесма" (лейтенант Зацаренный), "Синоп" (лейтенант Писаревский), "Наварин" (лейтенант Вишневский) и "Минер" (мичман Гирст). Катера пошли на буксире парохода двумя колоннами по три с каждой стороны.

Пройдя Змеиный остров в 5 милях и двигаясь тем же румбом еще мили 4, пароход лег на Сулин. Маяки Феодониси и Сулинский были зажжены.

На всех катерах пары были готовы, и на пароходе зорко смотрели, чтобы в случае появления неприятеля немедленно пустить на него катера.

Не найдя неприятеля ни у Феодониси, ни на пути к Сулину, лейтенант Макаров решил, что броненосцы должны быть на Сулинском рейде, и потому, подойдя к половине первого часа на расстояние 5 миль от рейда, остановил машину, объявил командирам катеров пункт нахождения парохода, подтвердил им вкратце отданные ранее приказания и пустил катера вперед. Катера пошли вместе... двумя колоннами: в правой катер No 2, "Минер" и "Чесма", а в левой катер No 1, "Синоп" и "Наварин", держа курс согласно приказанию лейтенанта Макарова на один румб правее Сулинского маяка; но весьма сильным здесь течением их относило от надлежащего курса. Весьма незадолго до встречи с неприятелем они... пошли фронтом, весьма близко и в виду друг друга. Катера быстро ходящие хотя и умеряли ход, но все-таки оказались впереди. Первым увидел неприятеля и выскочил вперед катер "Чесма". Лейтенант Зацаренный указал завиденное им судно катеру No 2 и затем пошел вперед и вправо. К сожалению, этому бравому офицеру снова пришлось потерпеть неудачу. Как только он бросил мину за борт, проводник запутался в винт и машина остановилась. Затем дело развилось таким образом, что остальные три минные катера, отставшие от первых трех, не могли принять в нем участия. Им пришлось только заботиться о благополучном возвращении; причем винты их путались в рыбацкие сети, а большое волнение... настолько их заливало, что они, а ровно и "Чесма", должны были возвратиться к пароходу.

Действительную атаку удалось произвести только катеру No2 и катеру No 1.

Завидя неприятеля, командир катера No 2, лейтенант Рожественский пошел прямо на него самым тихим ходом, причем машинная рубка была прикрыта брезентами и машина работала чуть слышно. Перед ним ясно обрисовались очертания большого двухмачтового броненосца с тараном; потом он увидел другое судно, выходившее в море, и с левой руки еще два броненосца, из

чего он заключил, что забрался в глубину Сулинского рейда +7. Огней не было ни на одном судне, слышалось только перекликание часовых. Катер подавался крайне тихо. Быв уже близко от цели, он увидел у себя справа катер No 1 лейтенанта Пущина и обменялся с ним немногими словами, после чего Пущин отклонился еще более вправо, в глубину рейда, а лейтенант Рожественский приступил к опусканию шеста, продолжая тихо подаваться вперед. Около 2 часов, саженях в десяти от борта броненосца, часовой окликнул катер, и тотчас же по нем был открыт штуцерный огонь и поднялось тревога на всем рейде. В самый момент первого пушечного выстрела катер прибавил ход, и взрыв произошел автоматически, почти в упор, все-таки, по расчету Рожественского, несколько рано. Столб воды залил боевую рубку, и когда, дав ход назад, Рожественский бросился к штурвалу, который оставил, чтобы произвести взрыв, оказалось, что штуртрос и ось штурвала лопнули. Рожественский выскочил наверх и вместе с механиком Канцеровым отвязал кормовой штурвал и отрезанными концами троса перевязал штуртрос, который скользил и не действовал. Потом механик Канцеров в матрос минер Сокольников (оцарапанный по лбу осколком иллюминатора боевой рубки) бросились рубить проводники и сбрасывать остатки шеста в море, что и было исполнено геройски, под градом штуцерных и картечных пуль со всех судов. Тогда дали передний ход и вскоре вышли из-под усиленного огня. Во все это критическое время каждый из остальных лиц, находившихся на катере, выполнял свой долг с полнейшим самоотвержением. Вскоре после первого взрыва был услышан некоторыми из бывших на пароходе и прочих катерах второй взрыв, вероятно произведенный катером No 1. Выйдя из-под выстрелов, лейтенант Рожественский, хотя пальба все продолжалась, остановил катер и стал поджидать прочие шлюпки. Но за ним в погоню пошел турецкий пароход, открывший по ним огонь и подававшийся вперед столь быстро, что катер успел уйти от него лишь с большими усилиями. Когда погоня кончилась, Рожественский снова поджидал прочие шлюпки и затем, не дождавшись, пошел на соединение с пароходом "В.К. Константин".

Место сбора было назначено в 4 милях... от Сулина. Направляясь туда со скоростью 5 узлов, "В.К. Константин" так сильно был прижимаем течением к берегу, что, считая себя еще в 3 милях от мели, уже стал на мель. Тотчас же приступили к выбрасыванию за борт угля и завозу верпа, дали полный задний ход и благополучно сошли с мели, продолжая затем держаться у самой отмели, чтобы катера, отступая вдоль берега... не

миновали парохода. В 2 часа 45 минут был усмотрен рангоут судна, шедшего от Сулина к морю и стрелявшего по пароходу, который тогда дал полный ход... и к 5 часам утра подошел к Очаковскому гирлу, где и присоединился к нему в то же время катер No 2, а другие 4 катера в 7 часов утра.

В 5 часов пополудни 29 мая пароход "В.К. Константин" возвратился в Одессу со всеми катерами, кроме катера No 1.

По осмотре катера No 2 оказались следующие повреждения: глубокая выбоина от картечной пули в боевой рубке: иллюминаторы рубки выбиты или разбиты, пробоины в трубе и в одной из досок палубы. По стальным же рубкам штуцерные пули скользили безвредно. В носовой подводной части выскочило 16 заклепок и хвостовая часть киля, служащая защитой винту, спереди отломлена, а сзади загнута влево. Вся эта часть сильно помята. С середины катера в подводной части следы того, что он сильно обо что-то терся.

Только после осмотра подводной части катера вполне обнаружилось, в каком критическом положении он находился. Очевидно, броненосец был огражден бонами на значительном расстоянии от борта, и нужно предполагать, что мина опустилась в воду, когда часть шеста уже миновала бон. Затем, может быть, автоматический взрыв почти в упор последовал от сильного сотрясения при ударе кормовой части, которая потом поднялась от углубления носа массой упавшей на него воды, и вследствие этого, когда дали задний ход, катер получил возможность перескочить обратно через бон.

Что же касается до другого быстроходного миноносного катера No 1, то вскоре сделалось известным, что он после нападения на броненосца погиб и команда его взята в плен турками. Но более подробные обстоятельства этого события сделались известны уже в 1878 г., когда появилось в "Кронштадтском вестнике" (.No 7) письмо лейтенанта Пущина. Из него между прочим видно, что лейтенант Пущин, после взрыва, произведенного катером No 2, устремился к броненосцу; не доходя до борта его, почувствовал какое-то непонятное для него сотрясение в катере, и ход его тотчас начал уменьшаться, а когда он еще подвинулся, у него перебили штуртрос, а затем последовал взрыв. Взрыв был автоматический и последовал ближе к броненосцу, чем первый взрыв (чуть ли даже не у самого борта, по выражению Пущина). Пущин приказал тотчас дать ход; но катер не трогался с места. Машинный люк был перебит; в машине отбило водомерную трубку, и вероятно вместе с краном; машина вся наполнилась паром, но все-таки была поставлена на передний ход. Пущин бросился к винту и там наткнулся на какой-

то конец, толщиною в 3 с половиною-4 дюйма, неизвестно откуда взявшийся. Как только он был перерублен, катер, находившийся все время у самого борта броненосца, дал ход. Тогда атакованный броненосец открыл по нем сильный ружейный огонь. Катер успел, однако же, от него удалиться. Но другой броненосец не замедлил его догнать и принялся угощать его выстрелами, имея полную возможность одним удачным выстрелом потопить его. Лейтенант Пущин не терял еще надежды спастись и направил катер прямо... к берегу. Но вдруг машина остановилась, огонь разом залило. В таком критическом положении лейтенант Пущин, считая свой катер во всяком случае пропавшим, так как спасения или помощи ждать было не от кого, распорядился катер затопить, а сам с командою (один минер, вольнонаемный машинист, два кочегара и матрос), при помощи имевшихся у них спасательных средств, пустились вплавь к берегу. Сначала, пока у людей сохранились еще силы, они успешно подвигались к берегу; но затем не имели сил справиться с течением, были принесены к турецкой эскадре и все попали в плен.

После этого события от генерала Веревкина было получено донесение, что монитор от нападения миноносцев сильно поврежден и должен быть вычеркнут из списка судов турецкого флота, но военный агент наш в Константинополе полковник Филиппов от 23 февраля 1880 г. донес, что атакованный броненосец, собственно корвет "Иджалие", был только сильно поврежден и в 1880 г. исправлялся.

Морское министерство, озабочиваясь участью пленных, поручило их покровительству германского посланника в Константинополе, которым и предложено было лейтенанту Пущину по 300 марок, если будет в том нуждаться. Прочие пленные при опросе выразили довольство тем содержанием, какое получили от турецкого правительства; пожелали иметь только небольшую сумму на табак, почему лейтенант Пущин просил отпускать им просимое на счет предложенных ему 300 марок.

За отличные подвиги самоотвержения лейтенант Рожественский удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. Того же ордена удостоен и лейтенант Пущин по возвращении из плена.

После поиска к Сулину неутомимый командир парохода "В.К. Константин" не долго оставался в покое. 6 июня он уже отправился из Одессы к Анатолийскому берегу и 8-го, открыв у селения Китрос парусный купеческий бриг "Османие", послал катер "Синоп" под командой лейтенанта Писаревского, который и поджег его, а как он худо загорался, то подвел под него килевую мину и утопил, команду же отпустил на берег на шлюпке брига.

Затем, увидя еще три купеческие брига, лейтенант Макаров послал к ним катер "Чесма" под начальством лейтенанта Зацаренного, которым они и были потоплены, а команды на их же шлюпках отправлены на берег. Затем, хотя по показаниям турок можно было бы еще потопить несколько турецких купеческих судов, но имея в виду, что цель уничтожения купеческих судов есть прекращение неприятелями торговли вдоль Черноморских берегов и что исполненное уже уничтожение четырех судов неизбежно наведет панику на людей торговых и прекратит плавание вдоль турецких берегов, лейтенант Макаров нашел излишним подвергать дальнейшему истреблению частную собственность и 9-го числа возвратился в Севастополь. Такой, по-видимому, гуманный взгляд, совсем неуместный в военное время, не встретил одобрения высшего морского начальства, и потому лейтенанту Макарову дано знать, что он не должен был пренебрегать своею прямою обязанностью истребить еще несколько неприятельских судов, когда представлялся к тому удобный случай.

Одновременно с пароходом "Великий князь Константин" вышел из Одессы пароход "Владимир", вооруженный 4 4-фунтавыми орудиями, под командою капитана 1 ранга Юрьева, и отправился в крейсерство у Румелийского берега между Варной и Константинополем. В 35 милях от Варны он настиг и взял в плен отлично оснащенный турецкий коммерческий бриг "Аслан-Бухри", который шел из Кюстенджи в Константинополь с балластом. Сняв с него команду из 16 человек и взяв его на буксир, "Владимир" возвратился в Одессу 9 июня. Затем 18-10 и 26-го по распоряжению контр-адмирала Чихачева вновь выходил в море на рекогносцировку, которая не имела особых последствий.

Императорская яхта "Ливадия" и пароход "Аргонавт" также в июне выходили в море на рекогносцировку. На яхте "Ливадия" в мае поставлена была артиллария (2 орудия 6,03 дюйм. нарезн., 2 4-фунтов. нарезн., 2 9-фунт. нарезн., 1 6-дюйм. мортира, 1 скорострельное Пальм-Кранца и 1 скорострельное Гаглинга); к ней приданы два паровые катера, сделаны минные приспособления и произведены необходимые переделки для обращения ее в судно активной обороны; после чего она начала кампанию 17 мая. В июне же, вследствие известия о том, что турецкий пароход стал на мель в 15 верстах от Жебриян, яхта под командой капитана 1 ранга Кроуна вышла из Николаева, зашла в Одессу и потом в море на поиски; во, узнав, что пароход уже снялся с мели, возвратилась в Одессу, откуда потом перешла в Очаков и, наконец, в Севастополь.

"Аргонавт" же, под командою капитал-лейтенанта Спетова,

вышел из Одессы на рекогносцировку 11 июня и подходил к Сулину. Бывшие на Сулинском рейде 4 броненосца и корвет, завидев его, бросились за ним в погон", но скоро отстали, а пароход возвратился в Севастополь.

19 июня турецкая эскадра из 10 броненосцев показалась в виду Одессы, где были сделаны все необходимые распоряжения для встречи неприятеля; но вслед затем, не сделав ни одного выстрела, удалились. А 26 июня три броненосца и один винтовой фрегат появились у Севастополя и также ушли, не сделав ни одного выстрела.

В июле 7-го числа пароход "Аргонавт" вновь вышел из Севастополя с целью осмотреть суда, стоявшие на Сулинском рейде. Подойдя к Сулину на пушечный выстрел, он застал там три броненосца, два корвета, два парохода и до 10 коммерческих судов. Броненосец под адмиральским флагом сделал по нем выстрел; "Аргонавт" ответил ему тем же. После чего броненосцы снялись с якоря и погнались за пароходом, открыв по нем огонь. "Аргонавт", уходя от них и отвечая из мортиры, старался удержать от гнавшихся такое расстояние, чтобы его снаряды могли долетать до неприятеля. Два броненосца, имея лучший ход, начали прижимать пароход к берегу, но после более двухчасовой погони вдруг прекратили пальбу и поворотили назад. "Аргонавт" 9 июля прибыл в Николаев и затем перешел в Одессу.

В июле появляется на сцене пароход "Веста", один из четырех пароходов, первоначально уступленных на военное время Русским обществом пароходства и торговли.

Для командования им по особому распоряжению командирован из Петербурга капитан-лейтенант Баранов.

Пароход "Веста" считался наиболее удовлетворяющим условиям активной обороны в открытом море.

В июне произведены па нем необходимые переделки и приспособления для обращения в активное судно; затем он вооружен был 5- и 6-дюймовыми мортирами, 2 9-фунтовыми орудиями; 1 4-фунтовым на элевационном станке, двумя скорострельными орудиями Энгстрема, двумя скорострельными Гатлинга и минами; сверх того, на ном установлен доставленный от князя Воронцова-Дашкова аппарат Давыдова для автоматической сосредоточенной стрельбы.

В состав команды его поступили: старший офицер лейтенант Владимир Перелешин 4-й, лейтенанты Михаил Перелешин, Жеребко-Ротмистренко, Кротков, Зиновий Рожественский, князь Голицын-Головкин, мичманы Петров, Рогуля, штурман штабс-капитан Корольков, инженер-механик поручик Плигинский, морской артиллерии прапорщик Яковлев, лекарь Франковский, 2

гардемарина и нижних чинов 55 человек охотников черноморских экипажей вдобавок к прибывшим с Балтики 53 человекам; для управления аппаратом Давыдова особо назначен член артиллерийского отделения Морского технического комитета подполковник Чернов, а механики и машинная прислуга составлены из вольнонаемных Русского общества пароходства и торговли. Сверх того, с Балтики доставлены для парохода "Веста" два паровых катера с 1 механиком, 2 машинистами и 2 кочегарами.

Главный командир Черноморского флота и портов (адмирал Аркас), получив сведения о складе угля в бухте Пендеракли, предположил послать туда несколько активных пароходов для нападения на стоявшие там суда и транспорты и нанесения неприятелю возможного ущерба. Для этого он ожидал только окончательного изготовления яхты "Ливадия" и парохода "Веста", которым желал дать это поручение. Нескольким пароходам вместе находил он нужным поручить исполнение задуманного предприятия, потому что рассчитывал на возможность встречи там нескольких судов. По окончательном изготовлении "Весты" пароход этот вместе с яхтою "Ливадия" перешли в Севастополь, где находился и пароход "В.К. Константин"; 2 июля сюда же прибыл пароход "Владимир". Все эти пароходы получили приказание, пользуясь темными ночами, отправиться в крейсерство к Анатолийским и Румелийским берегам, но наперед сделать попытку к Пендеракли. В инструкции и словесном приказании, данных командиру яхты флигель-адъютанту Кроуну, на которого, как старшего из командиров, генерал-адъютант Аркас возложил исполнение поручения, было указано, чтобы он, совместно с другими командирами, составил предварительно план атаки и чтобы затем каждый из командиров действовал по своему усмотрению, исполняя общий план и данные каждому инструкции.

Согласно составленному плану пароход "Владимир" снялся из Севастопольской бухты в 1-м часу дня 3 июля и должен был следовать к Пендеракли для его рекогносцировки, а в 6 часов того же числа снялся пароход "В.К. Константин", вслед затем яхта "Ливадия", а в 8 часов пароход "Веста".

В 10-м часу вечера, держась у Херсонского маяка, командиры двух последних пароходов съехались на яхту для окончательного совещания, а затем около 10 часов яхта и пароходы, построившись в строй клина, имея яхту впереди, направились на Пендеракли. Не встретив на пути ни одного судна, на другой день в 5 с половиною часов пополудни заметили пароход "Владимир", который по условленному сигналу и присоединился к нам в 6

часов вечера в 25 милях от Пендеракли.

Командир парохода "Владимир" сообщил, что, проходя вдоль берега у Пендеракли в 11 часов утра в 4 милях, усмотрел 5 стоявших на якоре каботажек и на берегу сараи, но угольных складов не заметил; идя далее, у мыса Халепли, во 2-м часу дня, усмотрел двухтрубный большой пароход, стоявший на якоре, но под турецким ли флагом-не уверен, вблизи его 3-мачтовое парусное судно и три каботажки, в то же время малый буксирный пароход вел к нему три кочермы, по-видимому с углем, вслед за тем большой пароход сильно задымил. Посоветовавшись между собой, командиры решили атаковать транспортный пароход минными шлюпками. Около 8 часов вечера, имея на шлюпках готовый пар, все суда последовали к Халепли, но около 10 с половиною часов вечера, находясь по счислению в 7 милях от маяка и не видя его огня, по которому следовало бы определить место стоявшего парохода, и заметив на берегу большие костры, флигель-адъютант Кроун не решился рисковать шлюпками, на коих было до 40 человек, у неприятельского незнакомого берега, тем более что шлюпкам пришлось бы весьма долго отыскивать виденный "Владимиром" пароход, стоявший в 15 милях от города, и следовательно, на возвращение их можно было рассчитывать никак не ранее 6 часов утра. Не было сомнения, что "Владимир" был узнан неприятелем, а потому могло случиться, что суда наши были бы отрезаны могшими по расчету времени подойти броненосцами. Вследствие всего этого флигель-адъютант Кроун решил отменить атаку и не имел повода раскаяться в этом, так как, выйдя в море, встретили сильный туман, который продолжался с 3 с половиною до 10 с половиною утра. Вместо этой неудавшейся попытки флигель-адъютант Кроун предположил произвести атаку на Сулин; но и это предположение, на усилившимся к вечеру волнением, не могло состояться. Таким образом, яхта 6 толя возвратилась в Очаков, а пароходы в Одессу.

Из донесения генерал-адъютанта Аркаса об этой экспедиции не видно, по какой причине командир парохода "Владимир" капитан 1 ранга Юрьев, заметив у мыса Халепли всего один транспортный двухтрубный пароход и другой малый буксирный, не решился атаковать их; была ли то нераспорядительность командира, как полагал генерал-адъютант Аркас, или другие уважительные причины, не позволившие капитану 1 ранга Юрьеву атаковать оба парохода; но неизбежным последствием этого было то, что капитан 1 ранга Юрьев, был обязан в 4 часа идти к эскадре, вновь мог подойти к Халепли не ранее 9 часов вечера; следственно, неприятельские пароходы имели время

отойти от Пендеракли и, по всей вероятности, успели уже дать знать и в Константинополь. Таким образом, атака не могла уже быть неожиданная и потеряла главный шанс успеха, при котором могли бы быть уничтожены или взяты в плен два парохода и несколько парусных судов.

После неудачной попытки на Пендеракли пароход "Веста", запасшись углем, 10 июля отправился в крейсерство к Румелийскому берегу.

При отправлении парохода "Веста" в море капитан-лейтенант Баранов снабжен был от главного командира инструкцией, в которой между прочим объяснено, что ему вменяется в обязанность погоня за турецкими военными и коммерческими судами, уничтожение их, осмотр подозрительных судов, взятие и потопление транспортов с военным грузом и вообще нанесение возможно большего вреда неприятелю; причем он должен испытать на деле аппараты Давыдова; но не должен, однако, решаться на открытую встречу с неприятельскими броненосцами и вообще с судами, хорошо вооруженными артиллерией, и помнить, что доверенная ему часть флота и необходимость сохранять по возможности судно и жизнь вверенных ему людей обязывают его быть как можно осторожное и атаковывать неприятельские суда только в том случае, когда они под силу его судну или когда представляется вероятие на успех атаки.

Что затем произошло с пароходом "Веста" во время крейсерства, лучше всего изобразить подлинными слонами капитан-лейтенанта Баранова, который в своем рапорте главному командиру Черноморского флота говорить

"11-го сего июля, находясь в 35 милях от Ктостенджи, имея курс вест-зюйд-вест, в 7 с половиною часов утра... был усмотрен черный дым.

В матине приказано было пар поднять до возможно большего давления, и курс был взят... дабы можно было рассмотреть шедшее судно и, буде это был бы турецкий коммерческий или слабо вооруженный военный пароход, отрезать его от берега. Около 8 часов можно было рассмотреть, несмотря на некоторую бывшую пасмурность, что встреченное судно-большой сильный турецкий броненосец, который, подняв флаг, выстрелял по пароходу "Веста" из орудия большого калибра; тогда на "Весте" был поднят русский военный флаг и дан залп из баковых орудии. Затем, дав машине полный ход, я поворотил и лег на курс... дабы держать его в невозможности бить "Весту" поперек борта и дабы иметь одновременно возможность бить турецкий броненосец из трех 6-дюймовых мортир и одного 9-фунтового нарезного орудия, могущих действовать почти на корму.

Принимая это положение, я сильно рассчитывал на возможность командовать ходом над противником, предполагая, что он не может иметь скорость более 10 или 11 узлов, и потому я рассчитывал, пользуясь аппаратами автоматической стрельбы Давыдова, или уничтожить его навесным огнем, или заставить сдаться.

Я вскоре заметил, что, к удивлению моему, не мы обладаем скоростью хода, несмотря на то, что последняя была развита до 12 узлов, а турецкий броненосец; с каждым моментом он выигрывал в расстоянии и через несколько времени сблизился до того, что 9-фунтовое орудие, поставленное на элевацию 12-кабельтового расстояния, стало брать далее, чем следовало.

Подполковник морской артиллерии Чернов, с неподражаемым мужеством делавший наблюдение за стрельбой и распоряжавшийся огнем кормовых орудий, пришел ко мне на мостик, где я стоял у штурвала, и шепотом доложил мне, что его роль, как управляющего индикаторами аппарата Давыдова, кончается, что неприятель так близко приближается к нам, что аппараты эти хотя и действуют прекрасно, но более помочь нам не могут, так как, даже в промежуток полета нашего снаряда, расстояние делается менее и менее. Видя, что неприятель приближается, снаряды его осыпают шрапнелевой картечью +8 снасти, рангоут, машинный люк и мостик, я согласился на просьбу подполковника Чернова и поручил ему вместе с лейтенантом Рожественским попробовать сделать еще сосредоточенный залп. Два залпа сошлись. Снаряды турецкого броненосца, как кажется по осколкам 11- и 7-дюймового калибра, ударили нас в корму; был разрушен капитанский вельбот, затем пробита верхняя палуба и одна бомба лопнула частью в жилой, а частью на верхней палубе. Внизу бомба произвела пожар над самой крюйт-камерой, а на верхней палубе разрыв ее был ужасен; он залил палубу кровью, уничтожил одну из мортир и, перебивши все проводники Давыдова аппарата, положил на месте двух артиллерийских офицеров, управлявших действием орудий; прапорщику Яковлеву вырвало часть горла и правое плечо. Подполковник же Чернов, смертельно раненный, прежде чем упасть, сказал: "Прощайте... бейте из правой кормовой... она наведена"-и упал мертвый. Пред самым этим залпом, видя безнадежность продолжать долго маневрирование, заключавшееся в том, чтобы, скрывая борт, подставлять неприятелю корму и отвечать ему выстрел за выстрел, и заметив желание противника меня таранить, я решил приготовить кормовой шест с минами, положить лево на борт в момент его залпа а пойти прямо на него, дабы абордировать его или, если бы

он от того увернулся, взорвать кормовыми минами. Для выполнения этого я попросил к себе на мостик минного офицера лейтенанта Михаила Перелешина и поручил ему осмотреть, не перебиты ли проводники шестовых мин, и изготовить шест. На это Перелешин заявил мне, что он и лейтенант Жеребко-Ротмистренко просят разрешить им броситься на 2 минных катерах в море и атаковать среди белого дня. Несмотря на весь риск, связанный с использованием этой просьбы, я бы ее исполнил, но зыбь была так велика, что паровые катера, вероятно, не выгребли бы, а потому я отказал. Едва Перелешин спустился с мостика, как лопнувшая вдоль палубы бомба одним из осколков своих почти оторвала ему ногу у самого паха, и в этом виде несомый раненый желал мне сообщить еще несколько данных об употреблении минных катеров.

Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитых офицера, 4 раненых, пожар на жилой палубе не могли устрашить лихой экипаж вверенного мне судна; офицеры, начиная со старшего и кончая молодым мальчиком, юнкером Яковлевым, братом убитого, явили себя героями; на место убитых артиллерийских офицеров встал лейтенант Кротков, и хотя в тот момент, как наводил орудие, граната, лопнувшая сзади, пробила его платье по крайней мере в сорока местах и опалила все волосы на голове, он, опаленный и с 17 осколками в теле, продолжал наводить мортиру, которая не могла действовать аппаратами Давыдова, ибо проводники у нее не существовали. Лейтенант же Рожественский, занявши место подполковника Чернова, распоряжался действием другой мортиры, стоя на возвышении банкета индикатора Давыдова, и благодаря ему, брошенная бомба ударила неприятеля в крышку башни и лопнула внутри амбразуры большого орудия. На палубе турок произошло сильное замешательство, которым, к несчастью, мы вполне не могли воспользоваться, ибо осколком бомбы согнуло штуртрос и руль, к ужасу моему, перестал действовать; пароход бросило лагом и дало возможность туркам осыпать нас гранатами, начиненными всякою гадостью. Одна из гранат перерезала паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостик, убив наповал двух стрелков, взятых мною к себе и действовавших из малокалиберных скорострельных ружей по амбразурам неприятельских погонных орудий. В это же время артиллерийский офицер Кротков был ранен осколками в лицо, я легко контужен в голову и левую руку, ординарец мой юнкер Яковлев тоже контужен в голову, вся машина осыпана осколками, но... блиндировка койками с боков, цилиндров, а матрацами сверху машинного люка спасли машину от порчи. Это был

последний серьезный залп неприятеля. Из своей большой погонной пушки он действовать более не мог, он все старался лечь к нам лагом, чего, конечно, я ему не давал исполнить, и он заметно стал отставать, так что вскоре, вместо ружейных пуль, перестали долетать до неприятеля и наши 9-фунт. снаряды. Затем у него из палубы повалил густой пар или дым, а после еще двух-трех наших выстрелов неприятель... стал быстро уходить.

Видя два орудия у себя подбитыми, имея в корпусе две пробоины, 2 офицеров убитыми и 4 ранеными и палубу, заваленную осколками и разорванным человеческим мясом, а что главное-видя, что машинисты и кочегары едва держатся па ногах после 5-часового боя, я не решился энергично преследовать убегавшего быстроходного врага, тем более что он поднял какой-то сигнал и на горизонте стали показываться еще рангоуты судов.

Доносить о подвигах особенно отличившихся гг. офицеров я, по совести, не могу. Как честный человек, могу сказать одно, что кроме меня, исполнявшего свой долг, остальные заслуживают удивления геройству их и тому достоинству, с которым они показывали пример мужества и необычной храбрости.

Старший офицер, лейтенант Владимир Перелешин, был мною послал тушить пожар в жилой палубе; пробегая туда, он наткнулся на носилки со страдальцем, его братом; Владимир Перелешин, несмотря на то что делалось у него на душе, не останавливаясь пробежал к месту пожара и, с помощью мичмана Петрова и гардемарина Казнакова, погасил пожар над пороховыми и бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотре докторами в Севастополе раненых, оказалось, что лейтенант Перелешин контужен в голову. Убиты: подполковник Чернов, прапорщик Яковлев, 9 человек нижних чинов. Умер на другой день после ампутации лейтенант Перелешин.

Долг заставляет меня упомянуть о самоотвержении князя Голицына-Головкина. Заметя, что мостик в особенности осыпается снарядами и что некоторые из них сделали то, что весь мостик, деблиндированный мною от коек ввиду прикрышки ими машины, был залит кровью, Голицын под всякими предлогами старался заслонить меня, желая мне служить щитом.

Штурманский офицер, штабс-капитан Корольков, стоял все время у штурвала все задом к неприятелю; не отрывая глаз от картушки компаса и от души сердясь на лопанье гранат, заставлявшие картушку прыгать, и во время одного из неприятельских залпов он, не обращая внимания на то, что сзади его делалось, приказал сигнальщику убрать исковерканный ружейный ствол, брошенный к самому компасу, ввиду того что железо ствола может вредить девиации компаса, и не замечая, что

ружье это принадлежало одному из несчастных стрелков, разорванных бомбой на мостике.

Увидя бегство броненосца, я велел подобрать трупы, и, предполагая, что прибыль воды от пробоин не позволит рассчитывать на сохранение порядочного хода, а следовательно, мог ожидать повторения атаки от новых турецких броненосцев, я приготовил, насколько мог, судно к новому бою... после чего дружно прокричали троекратно "ура" вдогонку уходившему врагу, не отвечавшему более на наши выстрелы.

Из нижних чинов мне также очень трудно указать на наиболее отличившихся, отличны были все. По сколько я мог заметить, более других выдавались: боцман Власов и 2 комендора, оставшиеся живыми при кормовых орудиях; рулевые, не обращая внимания на происходившее вокруг них, правили рулем как бы в обыкновенном плавании.

С каким броненосцем имел я дело-не знаю +9; он всего более похож по конструкции на тип турецких корветов-таранов, но у него орудия были двояко установлены: самое большое-от 10 до 11 дюйм. калибра-впереди, в серой башне, вероятно, такое же орудие было и на корме, посредине же судна был блокгауз, из которого действовало 4 орудия, 4- и 9-фунтовых. Бой турецких ружей не уступал нашим. На расстоянии 600 и 800 сажень турки посылали нам залп за залпом, оставившие следы на пароходе.

Видя безвредность огня из ружей, я употреблял свои, только когда турок нагнал нас, так что между нами оставалось не более 350 или 400 сажень; в это время я ясно видел красные фески в амбразурах орудий, одну феску на мостике, подле какого-то зеркального инструмента, наводившегося на нас и управлявшегося несколькими гг. в европейском костюме синего цвета. Мне сильно хотелось сбить упоминаемый инструмент и европейские фуражки, и я объявил 3 лучшим стрелкам и комендору Энгстрема орудия премию за исполнение моего желания. Залп ружей и орудия раздался, 2 синие куртки упали, феска исчезла, но инструмент остался. Лишь остается добавить, что старший механик подпоручик Плигинский, его помощник и судовой доктор титулярный советник Фраяковский во все время боя, а последний долгое время и потом, каждый действовали неподражаемо хорошо. Вели себя также примерно дворяне, Джевецкий и Мельников, два юнги, переводчик грекоподданный Спирапулло и вольный штурман Викторов, все шесть поступившие на "Весту" волонтерами".

Так изображается капитан-лейтенантом Барановым битва "Весты" с турецким броненосцем, наделавшая в свое время много шума. Все чины "Весты", начиная с командира и до последнего

кочегара, вели себя героями и по достоинству награждены... Капитан-лейтенант Баранов произведен в капитаны 2 ранга, с назначением флигель-адьютантом; все прочие офицеры произведены в следующие чины, и, кроме того, капитан-лейтенант Баранов награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., а все прочие офицеры орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом; сверх того, два из них, лейтенанты Владимир Перелешин и Зиновий Рожественский, орденом Св. Георгия 4-й ст. +10 Наконец, всем чинам, как офицерам, так и нижним, назначены пенсии в удвоенном размере, равно и родителям убитых пенсия в том размере, какой причитался бы самим убитым...

Генерал-адъютант Аркас, получив 3 августа телеграмму от начальника черноморской береговой линии полковника (потом генерал-майора) Шелковникова, что он идет с отрядом в Абхазию, но что турецкий броненосец в Гаграх постоянно охраняет проход, предписал пароходу "Великий князь Константин" немедленно отправиться к Кавказскому берегу и оказать свое содействие войскам полковника Шелковникова. Пароход тотчас же развел пары и в 7 часов вышел в море и, несмотря на свежий противный ветер с большим волнением, к рассвету 6 августа подошел к Туапсе, затем к Сочи, а к заходу солнца к Адлеру; но во всех этих пунктах не мог получить никаких определенных сведений об отряде Шелковникова. Боясь пропустить напрасно время и желая воспользоваться наступившею темнотою, лейтенант Макаров решил осмотреть берег до Гагры минными катерами, и если отыщется какой-нибудь броненосец, то утопить его. В 2 часа ночи катера были сброшены на воду и до 4 часов успели пробежать миль 5-6 вдоль берега. Далее к Пицунде мелькали огни. Обдумав свое положение, лейтенант Макаров решил, что это, вероятно, Шелковников двигается со своим отрядом и что мелькающие огни есть перестрелка с горцами. Поэтому, подняв катера, Макаров решился остаться на своем месте, рассчитывая, что если турецкие броненосцы находятся где-нибудь неподалеку, то он отвлечет их от отряда Шелковникова, заставив гнаться за собой в море; если же турецких судов нет, то подойдет к берегу, откроет по горцам огонь и войдет в переговоры с Шелковниковым. Когда наполовину рассвело, то по направлению к Гаграм открылся турецкий броненосец, который шел прямо на пароход. Лейтенант Макаров дал ход вперед, и хотя ему было бы легче убежать вдоль своего берега, но, желая замаскировать свои намерения, он лег в море... и сразу взял 11 узлов, затем 12...

Броненосец заметно отставал: он не шел более 11 с половиною узлов. Лейтенант Макаров приказал уменьшить ход, чтобы предоставить ему интерес погони. Через два часа налетел

шквал с дождем, броненосец скрылся, а когда пасмурность разъяснилась, его уже не было на горизонте.

К вечеру этого дня лейтенант Макаров опять подошел к Сочи и затем к Адлеру и, не получив здесь никаких сведений, решил повторить ночную вылазку катерами и отвлечь броненосец утром. Большая зыбь, дождь с громом и сильной молнией на этот раз сильно затрудняли всякую работу.

Тем не менее катера осмотрели все место до Гагры и дальше. Турецких судов не было, и на берегу была полная тишина.

Ни разговоров, ни огней на берегу не было замечено. Заключив из всего этого, что Гагры оставлены турками, лейтенант Макаров пошел в Новороссийск, где и узнал, что ему посчастливилось отвлечь броненосца от Гагры в самую критическую для отряда Шелковникова минуту. По заявлению Шелковникова своему начальству, колонну князя Аргутинского рассвет застал в сфере убийственного огня, но она была спасена от страшных потерь пароходом "Константин", который отвлек броненосец в море на 4 часа и тем оказал бесценную услугу. В 8 часов утра отряд расположился на неуязвимой позиции. Без участия моряков эта колонна войск находилась бы на склоне гор три часа под огнем неприятельского броненосца, стоявшего вплоть у берега.

В Новороссийске, посоветовавшись с командирами минных катеров, лейтенант Макаров решил воспользоваться лунным затмением, чтобы напасть на турецкие броненосцы, стоявшие на якоре в Сухум-Кале.

Выйдя из Новороссийска вечером 10 августа, лейтенант Макаров на другой день в 10 часов вечера подошел к Сухуму на расстояние 6 миль и тотчас спустил минные катера: "Синоп" (лейтенант Писаревский, мичман Подъяпольский), "Чесма" (лейтенант Зацаренный, волонтер вольный штурман Максимович), "Минер" (мичман Нельсон-Гирст, минером минный офицер лейтенант Королев) и "Наварин" (лейтенант Вишневецкий).

Катера отвалили, как всегда, в полном боевом порядке. Начальство над всеми катерами поручено было минному офицеру лейтенанту Зацаренному, на опытность и распорядительность которого командир всегда рассчитывал.

Предположено было сперва взорвать бон, потом напасть на двух броненосцев одновременно. Катера подошли к рейду и, как только началось затмение, вошли на рейд, освещавшийся пожаром госпиталя и большими кострами. На рейде нашли только одного броненосца, типа "Шевкет" +11. Лейтенант Зацаренный послал все катера в атаку к правому борту

броненосца. Катера смело пошли вперед в линий кильватера, ведя за собой крылатые мины. Каждый был вполне уверен, что в резерве лучший катер с бравым офицером, который всегда в случае нужды выручит из беды и окажет помощь.

Вслед за окликом неприятель открыл ружейный и пушечный огонь, а с берега посыпалась туча пуль и картечей.

Первым шел и взорвал мину катер "Синоп", вторым "Наварин", третьим "Минер". Лейтенант Зацаренный на катере "Чесма", кинувшись вслед за катерами, чтобы помочь, кому нужно, попал в кучу обломков и громадное волнение от раскачавшегося взрывами броненосца, но браво и благополучно выпутался.

Во время атаки катер "Синоп" сцепился с гребным катером, стоявшим у борта; произошла рукопашная схватка. Турки дрались веслами и пробили лейтенанту Писаревскому голову, а отпорным крючком почти стащили его в воду. Но бравая команда спасла своего лейтенанта и меткими выстрелами отбилась от неприятеля.

Через пять минут после начала атаки все катера были уже далеко от броненосца и, согласно приказания командира парохода, не дожидаясь результатов действия своих мин, возвратились на пароход при громких криках "ура" на катерах и пароходе.

Все три взрыва были очень хороши. Из них взрыв катера "Синоп" поднял столб черной воды, вероятно, пришелся у угольной ямы. Взрыв катера "Наварин" был на глубине 30 фут. и потому сильно раскачал броненосца. Взрыв катера "Минер", где минером был минный офицер лейтенант Королев, был, по выражению Макарова, глубокий, хорошо прочувствованный взрыв. Каждый взрыв сопровождался громким "ура" на всех катерах. Веселый дух офицеров и команд, твердо верящих в силу своего оружия, не имел границ. После первого же взрыва на броненосце поднялся ужасный крик и вопль отчаяния, но слышна была и чья-то отчетливая команда. Вообще он сопротивлялся слабо, тогда как по всему берегу открыт был сильный огонь.

Узнав, что все здоровы, лейтенант Макаров приказал как можно скорее поднимать катера. В это время показался в тумане рангоут с правой стороны. Люди утроили свои силы. Катера взлетали кверху один за другим. Когда три катера были подняты, показался дым, рангоут и корпус с другой стороны броненосца типа "Османие", который находился не далее 3 миль. В это время четвертый катер отделился от воды и машина работала полным ходом. Весь подъем продолжался около 7 минут, и только благодаря этой быстрой работе катера были спасены.

Донося обо всем этом, командир парохода с особою похвалою отзывался о распорядительности старшего офицера лейтенанта Давыдова и лейтенанта Зацаренного, а также о замечательной опытности и знании дела механиков-старшего, дворянина Павловского, и младшего, подпоручика Майорова, вольного механика Красноштанова и всей машинной команды. Без таких лиц, по отзыву Макарова, он не решился бы ни на одну смелую выходку, и вообще, по его словам, потопление купеческих судов у входа Константинопольского пролива и вылазки, подобные тем, какие произведены им на Батумском и Сулинском рейдах, в Гаграх и Сухуме, можно делать безнаказанно только при той лихорадочной любви к делу и своему судну, с которой все до последнего матроса исполняют свой долг на вверенном ему пароходе.

За описанный подвиг командир парохода лейтенант Макаров награжден был чином капитан-лейтенанта и орденом Св. Георгия 4-й ст.; этого же ордена удостоены лейтенанты Зацаренный и Писаревский; а другим чинам даны ордена: одним-Св. Владимира 4-й ст., другим-Св. Анны или Станислава 3-й ст.

Впоследствии о результатах описанной атаки получены были разноречивые сведения.

Полковник Шелковников телеграммою от 23 августа сообщил главному командиру Черноморского флота: по собранным сведениям оказалось, что катера парохода "В.К. Константин" произвели взрыв под очень большим броненосцем и сильно его повредили. Три дня потом турки его подготовляли и отвели на буксире в Батум. А командир казачьего полка полковник Соколовский, с которым командир парохода "В.К. Константин" встретился в октябре на Кавказском берегу, сообщил, что "абхазцы при опросе их показывали, что броненосец был совершенно затоплен одною оконечностью, а другою торчал из воды как птица (выражение абхазцев), и что всех их (абхазцев) заставляли качать воду и говорили, будто ночью пароход ударил броненосец и пробил его; затем привели какие-то машины и тоже работали и наконец увели броненосца". Волонтер Кабулетского отряда Лысенко сообщал Макарову, что все перебежчики, которых он спрашивал, до 30 человек, показывали, что броненосец, которого взрывали в Сухуме, совершенно утонул на пути к Батуму.

Военный же агент наш в Константинополе, Генерального штаба полковник Филиппов, которому поручено было разъяснить это обстоятельство, от 13 февраля 1880 г. донес, что атакованный в Сухуми броненосец назывался "Ассари-Шевкет", что он от одного офицера, находившегося на этом броненосце во время

атаки его, именно штабс-капитана Тахсима-Эффенди, слышал рассказ, почти тождественный с тем, который изображен в рапорте Макарова, что "Ассари-Шевкет" во время атаки действительно был поврежден; но в технические подробности повреждений он, полковник Филиппов, не входил, так как после починки этого судна сделанных ему повреждений заметить было невозможно...

В январе 1878 г. пароходы "Россия", "Владимир" и "Веста" еще два раза, 12-го и 14-го, выходили в море для крейсерства на пространстве Румелийских портов с Босфором, но по случаю сильного ветра, а потом мрачности и снежной метели поиски их остались без всякого результата; пароход же "Великий князь Константин", под командою флигель-адъютанта капитана 2 ранга Макарова, 10-го числа ходил в крейсерство с целью произвести демонстрацию у восточного берега Черного моря, для отвлечения неприятеля от западного берега моря, где должны были оперировать пароходы "Россия", "Владимир" и "Веста". Получив в Поти сведение, что на Батумском рейде стоит эскадра Гобарта-паши, флигель-адъютант Макаров подошел к этому порту и в ночь с 13-го на 14-е число, не доходя 4-5 миль, спустил свои минные катера: "Чесма" (лейтенант Зацаренный) и "Синоп" (лейтенант Щешинский), поручив начальство над обоими лейтенанту Зацаренному; катера отвалили от борта в 11 час. 20 мин. и, несмотря на сильный туман, чрезвычайно затруднявший отыскание бухты, в половине второго часа, когда взошла луна, подошли к Батумскому рейду, на котором нашли семь судов, стоявших кормою к берегу; крайний был двухмачтовый броненосец, затем два трехмачтовых судна, дальше большой колесный пароход и, наконец, еще три судна с большим рангоутом. Свет луны и блеск снежных гор прекрасно освещали рейд. Правее маяка видно было сторожевое судно под парами, которое оказалось двухмачтовым винтовым пароходом. На шлюпбалках посредине судна было поднято 6 белых катеров. Лейтенант Зацаренный, убедившись, что пароход был военный и большого размера, решился атаковать его; а потому, приблизившись к нему не будучи замеченным на 30-40 сажень, оба катера одновременно пустили по одной мине Уайтхеда, которые, ударившись о пароход, взорвались почти одновременно. В тот же момент последовал взрыв и поднялась большая широкообразная масса воды, а вслед за тем послышался сильный треск от перелома взорванного парохода и глухие вопли и крики отчаяния утопающей многочисленной команды. Пароход лег на правую сторону и быстро пошел ко дну с большею частью своего экипажа; от взрыва мин до того момента, когда скрылись мачты

парохода, прошло не более одной или двух минут. На поверхности оставалась часть команды, плававшей между обломками и вещами погибшего парохода. Лейтенант Зацаренный, несмотря на желание спасти людей, не решился подойти к ним, потому что масса плававших обломков беспрерывно попадалась под винты катеров. В это время с береговой батареи был открыт по катерам огонь и из глубины рейда показалось судно, высланное вероятно для спасения людей. Почему катера и возвратились к своему пароходу, который в 3 с четвертью часа, подняв их, немедленно снялся и направился для отвлечения внимания неприятеля к Самсуну, на вид которого прибыл 15-го числа, не встретив на пути ни каботажных, ни паровых судов. Затем, придерживаясь берега, лег на Новороссийск и, отойдя достаточно от берега, переменил курс на Севастополь, куда и прибыл 16-го.

Взорванный пароход назывался, как после оказалось, "Интибах".

...На этом и прекратились все военные операции на Черном море за наступившим 19 января перемирием.

ПРИМЕЧАНИЯ

+1 Артиллерийский корабль береговой обороны, имевший круглый корпус. Было построено только 2 таких корабля (в 1873-1875 гг.), поскольку из-за низких мореходных качеств они не получили распространения. Названы так по фамилии их конструктора вице-адмирала А. А. Попова.

+2 С. О. Макаров - будущий известный ученый, мореплаватель, адмирал.

+3 Автор "летописи", видимо, или не был знаком с донесением С.О. Макарова об этом эпизоде, или ознакомился с документом не совсем внимательно. В донесении определенно сказано, что "взрыва не произошло из-за неисправности проводников".

+4 Здесь В. Чубинский несколько неточен. Вопреки его утверждению со ссылкой на лейтенанта Макарова, что "люди... немного смешались и замедлили с пуском мины", этого не могло быть, поскольку "пуска", как такового, не было. В то время применялись довольно примитивные мины, так называемые "летучки". В отличие от "самодвижущихся мин" (торпед) они не имели собственного двигателя и буксировались паровым катером.

+5 Зиновий Петрович Рожественский (у автора ошибочно-Рождественский), будущий вице-адмирал.

+6 Николай Матвеевич Чихачев, будущий начальник Главного морского штаба, управляющий Морским министерством. Известен участием (в 1851-1853 гг.) в Амурской

экспедиции Г.И. Невельского. Его именем назван залив на Дальнем Востоке. В описываемый период являлся начальником морской обороны Одессы.

+7 По объяснению служившего у турок экс-лейтенанта английского флота Слимена, турецкая эскадра состояла из 3 броненосцев" "Фехти-Буленд", "Мукадем-Хапр" и "Иджалие", стоявших в шахматном порядке в одной миле от входа в Сулинскую гавань, а впереди их в полумиле стоял брандвахтою буксирный пароход. Атакован был "Иджалие".

+8 Кроме шрапнелевой и обыкновенной картечи турки стреляли еще какими-то снарядами, начиненными английским No 11 дроби. До 30 дробин бекасинника вынуто из раны лейтенанта Кроткова.

+9 Это был турецкий броненосец "Фехти-Буленд", значительно превосходивший "Весту" в водоизмещении и вооружении.

+10 Через год З.П. Рожественский неожиданно выступили в газете "Биржевые ведомости" от 17 июля 1878 года со статьей "Броненосцы и крейсеры-купцы" и разоблачил подвиги "Весты". По его описанию выходило, что не турецкий броненосец удирал от нее, а она убегала от него, убегала в течение пяти с половиной часов. И только благодаря тому, что "Фехти-Буленд", перегруженный военными запасами, не мог догнать ее, она спаслась от бедствия. Рассказ автора был чрезвычайно убедительным.

+11 По рапорту лейтенанта Зацаренного это был броненосец "Ассари-Шевкет", стоявший не на рейде, как утверждает автор "летописи", а под самый берегом на швартовых. После взрыва он, из-за мелководья, не затонул, а сел на дно.